

48). В этой фразе важно не только замечание о "всей жизни Ивана", но и намек на то, что эта жизнь достойна "другого романа", т.е. по своему содержанию не менее богата событиями и идеями, чем та часть жизни Ивана, которая составила содержание всего нынешнего романа.

Все же нужно признать, что утверждение о будущей (и, вероятно, *высшей*) жизни Ивана – это только гипотеза, хотя и хорошо обоснованная. Но можно сказать без малейших колебаний, что Иван выступает в романе как *Иоанн Креститель* (на это прямо намекает его имя), который выводит на путь истины того, кому предстоит стать подлинным *Иисусом* для всех окружающих людей, – брата Алешу. Дмитрий несколько раз называет Алешу земным ангелом и херувимом. Мы уже говорили, что это нельзя понимать в буквальном смысле – ангельская и человеческая природа в мировоззрении Достоевского различаются принципиально. Но это значит, что в Алеше Дмитрий прозревает его *грядущее человеческое совершенство*. Интересно, что Дмитрий несколько раз говорит об Иване как о "высшем человеке", но в последний раз он замечает: "Я хоть и говорю, что Иван над нами высший, но ты у меня херувим. Только твое решение решит. Может, ты-то и есть высший человек, а не Иван" (15; 34).

В романе Алеша относится, скорее, к кругу детей, он еще не раскрыл для себя самого все составляющие своей души. Этот процесс обретения себя и является главным в истории Алеши. Брат Дмитрий помогает ему обрести в полной мере свою человеческую природу – открыть в себе "низшую" радость, радость-сладострастие и понять, что и в нем присутствует его дьявол, с которым еще предстоит долгая борьба, но который уже побежден *в главном*. Брат Иван выполняет по отношению к Алеше еще более важную миссию: он подводит его к подлинной вере и к той "высшей" радости, которая составляет суть этой веры. Алешина Кана Галилейская обозначает обретение этой веры, т.е. окончательное обретение себя.

Приходит к этой окончательной вере Алеша по тому же пути, по которому шел Иван. После смерти Зосимы Алеша переживает кризис своей наивной веры; расставаясь со своей наивностью, он погружается в ту же негативную диалектику, которую обнажил бунт Ивана. В романе нам сообщает об этом сам повествователь: "Бога своего он любил и веровал в него незыблемо, хотя и возроптал было на него внезапно" (14; 307). Далее суть происходящего с ним определяет сам Алеша: «Я против Бога моего не бунтуюсь, я только "мира его не принимаю"» (14; 308). Отметим, что в обоих случаях присутствует выразительное определение Бога как *своего*, и Алеша прямо цитирует Ивана.

Иван застревает в своем бунте, мироотрицание начинает господствовать в его вере, и это мешает ему соединить веру со своей жаждой жизни. Для Алеши отрицание оказывается необходимым моментом веры, от которого он легко переходит к утверждению, к высшей радости веры – к радости от принятия совершенства мира и божественного предназначения человека. Кана Галилейская становится его точкой опоры, на которой он основывает свою начинающуюся взрослую жизнь, и благой перспективе этой жизни он обязан двум своим братьям; истину каждого из них он сумел органично принять и слить воедино в своей личности.